

Юньсюань завалился внутрь, освобождая ему место:

— Я услышал слова хозяина, ложись поскорее спать, завтра ведь снова в путь.

Лань Чжуй ничего не оставалось, как, набравшись храбрости, залезть на кровать. Он вытянулся рядом с Фан Юньсюанем, всем телом чувствуя себя деревянным, и стал прислушиваться к его ровному дыханию. Тот не успел опомниться, как уже сладко захрапел, а вот бедняге пришлось ворочаться всю ночь, и лишь под утро он забылся коротким сном.

Однако и во сне Фан Юньсюань не давал ему покоя.

Неизвестно почему, он оказался сверху, прижимаясь к его телу и беспрестанно извиваясь. Лань Чжуй воспламенился от его ласк с головы до ног. Хуже всего было то, что этот жар устремился напрямик в пах.

Фан Юньсюань вдруг приподнял голову, затуманенным взором уставился на него, приоткрыл алые губы и медленно, очень медленно накрыл ими его губы...

— Эй!

Не зови меня, еще чуть-чуть... совсем чуть-чуть...

— Эй! — Тот, наконец потеряв терпение, громко завопил ему прямо в ухо.

Лань Чжуй в испуге подорвался на кровати, весь в холодном поту.

Фан Юньсюань стоял у изголовья, одетый с иголки:

— Сколько раз тебя звать, а ты всё не встаешь! Пора в путь!

Он вдруг лукаво усмехнулся, бросив взгляд ниже пояса Лань Чжуя:

— Хе-хе, что за сон тебе приснился, весь потом сошел.

С этими словами он с напускной заботой вытащил из-за пазухи бледно-голубой платок и протянул ему.

Лань Чжуй остолбенел, принимая платок, а его глаза автоматически опустились вслед за чужим взглядом. Штаны натянулись горкой, и то самое сокровище воинственно выпирало наружу, того и гляди вырвавшись на свободу.

Лань Чжуй почувствовал, как лицо заливают жгучим румянцем. Никогда еще он не оказывался в столь жалком положении, и, сгорая от стыда, он торопливо притянул одеяло, чтобы прикрыть срамное место.

Фан Юньсюань уже повернулся к нему спиной, прилаживая меч на пояс:

— Я всё понимаю, всё понимаю, мужчины ведь... Хе-хе!

Глядя на его прямую, гордую спину, Лань Чжуй с досадой взъерошил волосы: если бы тот узнал, что ему только что привиделось во сне, боюсь, меч Девяти Фениксов, танцующих в небесах, уже перерезал бы ему горло.

Весть о гибели мастеров боевых искусств из Эскортного агентства Ци Юань разнеслась по всему цзянху, взбудоражив народ. Все секты и школы наглухо заперли ворота, смертельно боясь стать следующей мишенью для нападения секты демонов.

— Всё еще болит? — Фан Мэн сидела рядом с Юньсюанем, и в ее глазах читалось бесконечное сострадание.

Юньсюань с улыбкой покачал головой.

Лань Чжуй нахмурился, отводя взгляд, и обратился к Фан Хуаньтяню:

— Это моя вина, младший проявил излишнюю легкомысленность и позволил тем негодяям воспользоваться случаем.

— Молодой господин Лань и так сделал всё возможное, незачем так сильно себя винить. Сейчас остается лишь ждать, пока Четвертый молодой господин Тан разрушит массив за Лесом Священного Дерева, собрать всех героев цзянху и вместе прорваться внутрь, чтобы во всем разобраться, — тяжело вздохнул Фан Хуаньтянь. — Короче говоря, этой беды в цзянху не миновать.

Фан Юньсюань на мгновение опустил глаза, а затем внезапно поднялся, подошел к Фан Хуаньтяню, расправил полы одежды и опустился на колени.

Присутствующие испуганно ахнули.

— Юньсюань, что ты делаешь?

— Ученик желает как можно скорее сыграть свадьбу с младшей сестрой, прошу наставника дать свое благословение!

Стоявшая рядом Фан Мэн густо покраснела, но на ее лице застыла счастливая, не сходящая улыбка.

Лань Чжуй замер посреди комнаты, словно пораженный молнией, не в силах шевельнуться. На решительном профиле Юньсюаня не отразилось ни единой эмоции, его яркие, пронзительные глаза излучали надежду, и от начала до конца он так ни разу и не взглянул на него. Оказывается, для него, Лань Чжуй, в этом сердце не нашлось и капли веса...

Выслушав его, Фан Хуаньтянь громко рассмеялся:

— Хорошо-хорошо! Когда мы возвращали Мэн-эр домой, в мыслях уже было сыграть вашу свадьбу. Но я замотался с делами в цзянху и совсем забыл про ваше бракосочетание. Сейчас же отдам приказ готовиться к торжеству! Разошлите свадебные приглашения всем героям цзянху, пусть приходят на свадьбу моей дочери!

С этими словами он повернулся к Лань Чжуй:

— Раз уж молодой господин Лань как раз здесь, не согласится ли он стать свидетелем на этой свадьбе?

— Нет... — Лань Чжуй чувствовал себя так, будто живьем проглотил муху. — Каких заслуг удостоен младший, как смею я принимать столь ответственную роль? В цзянху полно людей с высоким авторитетом и добродетелью, прошу главу союза...

— Молодой господин Лань — благородный тринадцатый ван, его судьба озарена звездой удачи, лучше кандидата в свидетели и не сыскать, — с улыбкой прервал его Фан Хуаньтянь. — Надеюсь, молодой господин не станет отказываться!

Фан Юньсюань неожиданно шагнул вперед, сложил руки в приветственном жесте и улыбнулся:

— Очень надеюсь на снисходительность великого мастера Ланя.

Лань Чжуй смотрел на это прекрасное лицо, в объятиях которого бесчисленное количество раз тонул в своих снах. И хотя его сердце разрывалось от боли, словно его терзали живьем, он не смел разочаровать любимого человека и, стиснув зубы с ледяным выражением лица, кивнул.

Свадьбу назначили через месяц. У Фан Хуаньтяня была всего одна дочь, так что церемонию

следовало провести с размахом. Внутри усадьбы и снаружи все только и делали, что суетились, и Крепость семьи Фан снова наполнилась оживлением.

Лицо Фан Мэн целыми днями озаряла счастливая улыбка, полная сладкого предвкушения предстоящей роли невесты.

С того дня, как его сердце было разбито, Лань Чжуй затворился под предлогом уединения для культивации в деревянном домике на задней горе, строго-настрого запретив кому бы то ни было приближаться туда.

Все приготовления к свадьбе Фан Хуаньтянь взял на себя, так что Фан Юньсюань наслаждался бездельем. Обитатели крепости сбились с ног, хлопоча над свадьбой, и, естественно, никто не обращал внимания на перемещения будущего жениха.

Лес Священного Древа, круглый год окутанный легкой дымкой, казался земным раем, но на деле таил в себе смертельную опасность.

Фан Юньсюань задержал дыхание, направил ци, и его ноги взметнулись с молниеносной быстротой. Безошибочно и искусно пройдя семьдесят два шага по лесу, он с легкостью миновал все ловушки.

Подземный дворец ярко освещался полыхавшими вокруг факелами. На серых каменных стенах густо пестрели письма западных регионов, а в главном зале в два ровных ряда выстроились люди в черном, лица которых скрывали железные маски. Гун Цюйчэнь и Ся Чуцзю почтительно стояли по левую и правую руку от возвышения главы культа.

Сейчас Фан Юньсюань казался совершенно другим человеком: его красивое лицо источало ледяной холод. Он медленно направился к своему законному месту, бросая на собравшихся острый, пронзительный взгляд.

Оба ряда людей в черном синхронно опустились на одно колено, и под сводами прозвучал оглушительный рев:

— Приветствуем главу!

Гун Цюйчэнь стоял на коленях перед Фан Юньсюанем, и среди всех присутствующих его улыбка была самой сияющей.

Ся Чуцзю легко хлопнул в ладоши, и небольшая дверь справа от каменного зала отворилась. Четверо людей втащили внутрь двоих крепко связанных пленников. Те уже превратились в сплошное кровавое месиво. Из их ран непрерывным потоком сочилась кровь, оставляя на полу длинные багровые следы.

Ся Чуцзю сохранял абсолютно бесстрастное выражение лица, а его голос звучал холодно, как лед:

— Предатели культа доставлены на суд главы.

Фан Юньсюань холодно посмотрел на два кровавых обрубка. Четыре великих старейшины Культа Линъинь — двадцать лет назад они были столь непревзойденны и горды, а спустя два века двое сгнули в глухих горах, а двое превратились в жалких узников.

Окутанный ореолом тайны в цзянху, Культ Линъинь на самом деле вовсе не был столь могущественным, как воображали люди. Сотня с лишним адептов умела лишь плести мелкие интриги и не смела устраивать масштабные бунты. Четыре старейшины затаили недовольство еще тогда, когда Фан Юньсюань принял пост главы культа, и заговор с целью мятежа был лишь вопросом времени.

Истинными верными сподвижниками Фан Юньсюаня оставались лишь два десятка людей в черном, стоявших в этом зале, да левый и правый стражи.

Культ Линъинь, исчезнувший на целое десятилетие, уже не мог вернуть былое величие.

— Казнить по законам культа, — холодный голос Юньсюаня проник в уши каждому. К тем, кто предал его, он никогда не проявлял мягкости. В эту смутную пору проявить милосердие к врагу равнялось отправке себя прямиком в ад.

Глядя на то, как волокут прочь двух несчастных, Фан Юньсюань ощутил мимолетную жалость. Колесо фортуны вращается, и удача не может вечно оставаться на вершине. — Передайте мой приказ: десятого числа следующего месяца окружить и атаковать Крепость семьи Фан!

Культ Линъинь располагался глубоко под землей, куда годами не проникал солнечный свет, из-за чего кожа местных жителей была неестественно белой. Что же касается Ся Чуцзю, он был белее всех — его кожа казалась фарфоровой, чистой и почти прозрачной. Он был красивейшим мужчиной из всех, кого Фан Юньсюаню доводилось встречать за свою жизнь.

Наверное, называть мужчину красивым не совсем правильно, но помимо этой красоты для описания его неземного облика просто не находилось других слов. Если ослепительная яркость Гун Цюйчэня бросалась в глаза, то утонченная чистота Чуцзю заставляла людей не сметь поднять на него взгляд.

Сейчас он тихо стоял на коленях в просторной темной комнате перед высоким столом, на котором покоилась мемориальная доска.

Злой Мудрец Западных Регионов — Тун Тяньцзы, их общий наставник.

Фан Юньсюань неторопливо вошел в зал и почтительно воскурил благовония.

Ся Чуцзю поднял на него взгляд, уголки его губ дернулись, но улыбнуться так и не вышло.

Юньсюань рывком поднял его с пола и вывел из темной комнаты:

— Ты не совершил ничего дурного, тебе незачем ежедневно коленопреклоненно каяться перед его алтарем.

Разве есть какой-то грех в том, чтобы полюбить собственного наставника? Тун Тяньцзы всю жизнь отличался диким и необузданным нравом. У него было всего трое учеников, и, разглядев их талант, он без утайки передал им все свои боевые искусства.

Ся Чуцзю родился в нишей деревушке, где всех мужчин забрали в солдаты, и с малых лет он рос среди женщин. Лишь когда ему исполнилось двенадцать, странствующий по свету Тун Тяньцзы взял его в ученики и увез с собой в Сишуанцбаньна.

— Сегодня как раз девятое число месяца, впредь звать тебя Чуцзю! Носи мою фамилию Ся.

До этого у него не было даже имени.

Дикий мужской шарм Тун Тяньцзы глубоко очаровал Ся Чуцзю. Сначала он и сам не понимал своих чувств — он просто знал, что стоит наставнику потрепать его по голове или сказать ласковое слово, как он уже не мог уснуть от счастья.

Однажды ночью, когда ему было шестнадцать, он посмотрел на спящего Тун Тяньцзы и, не в силах сдержать порыв, прикоснулся губами к его губам. Он до конца жизни не забудет выражение лица Тун Тяньцзы, когда тот проснулся: в нем смешались шок и ярость.

Той же ночью Чуцзю собственноручно уничтожил собственную внутреннюю энергию в обмен на то, чтобы его не изгнали из школы.

Год спустя у Тун Тяньцзы открылась старая болезнь, и перед смертью он передал Ся Чуцзю всю свою накопленную за сорок с лишним лет внутреннюю силу.

Однако Ся Чуцзю больше никогда не брался за тренировки. И вот в одно мгновение пронеслись еще четыре года.

Уголки губ Ся Чуцзю чуть приподнялись:

— Твоя великая месть близка к завершению. Ты испытываешь напряжение или возбуждение?

Фан Юньсюань опустил голову, погружившись в раздумья. Сейчас в его сердце не было ни тревоги, ни радости, а в голове крутился лишь один образ — выражение отчаяния на лице Лань Чжуня в тот день, когда он объявил о предстоящей свадьбе перед Фан Хуаньтянем.

— Чуцзю, скажи... что такое любовь? — ответил он вопросом на вопрос.

Ся Чуцзю слегка замер, а затем мягко посмотрел куда-то за спину Юньсюаня:

— Я тоже не знаю. Об этом лучше спросить Цюйчэня.

По правде говоря, сам Фан Юньсюань тоже до конца не понимал, что за чувства испытывает к Гун Цюйчэню.

Они росли вместе с малых лет, ели, спали и занимались боевыми искусствами бок о бок. Лишь когда в семилетнем возрасте их взял в ученики Фан Хуаньтянь, эта неразлучная жизнь оборвалась, и видеться удавалось лишь украдкой. Прошло еще несколько лет, и появился Чуцзю, занявший его место рядом с Юньсюанем каждый день, однако привязанность Цюйчэня к нему ничуть не уменьшилась.

Фан Юньсюань обернулся — Гун Цюйчэнь стоял позади. Глубокие, угольно-черные глаза пристально смотрели на него, источая небывалую глубину чувств.

— Сяояо, ты ведь обещал мне, что после мести мы вместе вернемся в Сишуанцбаньна.

Только он один продолжал звать его тем именем, которое сам Фан Юньсюань уже почти позабыл.

Сяояо, Жэнь Сяояо. Когда-то молодой господин Усадьбы Жэнь, первой в Поднебесной. Родители дали ему имя Сяояо — беззаботный, надеясь, что он проживет жизнь легко и свободно, не опутанный мирскими узами. Но былой судьбой ему предначертано увязнуть в пыли красной пыли мирских страстей.

Юньсюань с улыбкой кивнул — это было его единственное обещание, данное ему.

Едва Фан Юньсюань вернулся в крепость, его тут же вызвали в покои Фан Хуаньтяня.

Фан Хуаньтянь сидел за столом, попивая чай, а перед ним лежало руководство по внутренней

энергии — Рука, покоряющая драконов. Внешне Юньсюань оставался спокоен, но в душе его шевельнулась радость.

Фан Хуаньтянь пододвинул книгу к нему:

— Рука, покоряющая драконов семьи Фан, никогда не передавалась чужакам. К сожалению, в моем поколении родилась лишь Мэн-эр. Вы скоро поженитесь, так что ты станешь моим полусыном. Наставник передает тебе это руководство в надежде, что ты примешь его с умом.

Юньсюань забрал книгу и почтительно поклонился Фан Хуаньтяню:

— Ученик хотел бы отточить Руку, покоряющую драконов до свадьбы, прошу наставника позволить мне уединиться на задней горе.

— Но ведь молодой господин Лань все еще там...

— Тем лучше, смогу померяться силами с молодым господином Ланем.

Фан Хуаньтянь немного подумал и с радостью согласился:

— Что ж, проведи этот месяц на задней горе в спокойных тренировках.

Софт улыбкой на губах Юньсюань вышел из комнаты.

Через месяц он воспользуется семейным искусством Фан, чтобы свернуть шею Фан Хуаньтяню.

Маленький деревянный домик на задней горе прятался за многослойной пеленой лесов, а перед крыльцом расстилалось кристально чистое, прозрачное озеро.

Прихватив простой багаж, Фан Юньсюань легонько постучал и отворил деревянную дверь.

За несколько дней разлуки Лань Чжуй заметно осунулся. В его покрасневших глазах читалось крайнее изумление, когда он замер на пороге.

— Ты...

Юньсюань оттолкнул его и прошел внутрь. Обстановка состояла сплошь из дерева и отличалась спартанской простотой: стол со стульями, платяной шкаф да кровать. Он

внимательно окинул взглядом ложе — к счастью, места вполне хватит на двоих взрослых мужчин.

— По приказу наставника я прибыл сюда для тренировок, — он слегка встряхнул книгой в руке.

Лань Чжуй стоял у входа, не зная, как поступить:

— Тогда... я...

— Что ж, придется молодому господину Ланем потесниться и делить со мной постель. Ничего не попишешь, на задней горе построили лишь один дом.

— Скоро твоя свадьба, а у тебя еще хватает времени упражняться здесь? — с кислым видом бросил Лань Чжуй.

— Свадебные хлопоты наставник взял на себя, мне незачем забивать этим голову, — бросил он через плечо: — К тому же мы просто тренируемся вместе, молодому господину Ланем не стоит переживать, Фан вовсе не собирается тебя съедать.

Это я боюсь, что съем тебя! — мысленно взывал Лань Чжуй.

До главного особняка от деревянного дома ходу было не меньше получаса, к тому же перед заселением сюда Лань Чжуй строго-настрого запретил кому-либо беспокоить его, поэтому всю еду им приходилось готовить самим. К счастью, рядом имелась крошечная кухня — хоть и маленькая, но со всем необходимым, а заготовленной в большой кадке зелени вполне хватило бы надолго.

Фан Юньсюань был абсолютным новичком в кулинарии, и Лань Чжуй прекрасно это знал. Поэтому, когда желудок спутника бесцеремонно подал голос, Лань Чжуй оставалось лишь тяжело вздохнуть и обреченно направиться на кухню.

Не прошло и много времени, как на столе уже красовались два овощных блюда и густой суп, а ароматный белый рис заставил Фан Юньсюаня глотать слюнки. Он схватил палочки и принялся за еду за обе щеки.

— Потише, потише, не подавись, — Лань Чжуй не притронулся к еде, получая огромное удовольствие просто от созерцания довольного лица любимого.

Потягивая наваристый кукурузный суп, Юньсюань блаженно прищурился:

— Вкусно! Если ты решишь завязать со странствиями по цзянху, можешь смело идти в повара!

Лань Чжуй, опершись подбородком о стол, любовался его детской манерой есть, и улыбка на его губах становилась все шире. Еще вчера он и помыслить не смел, что сможет вот так сидеть за одним столом и депешить трапезу.

Наевшись от пуза, Фан Юньсюань вовсе не спешил приступать к тренировкам: поглаживая круглый живот, он вальяжно развалился поперек кровати:

— Послушай, такой взрослый мужик, а до сих пор не найдешь себе жену, чтобы остепениться? Чего ты вечно мотаешься по свету?

Лань Чжуй покосился на него:

— Не у всех такая счастливая судьба, как у тебя: наставник не только ремесло передает, так еще и жену в придачу дает.

Юньсюань перевернулся на кровати:

— Сколько тебе лет?

— ...Двадцать семь.

— Моему третьему младшему брату всего двадцать шесть, а у него уже четверо детей, — покачал головой Фан Юньсюань. — Ты на целых... четыре года старше меня.

Лань Чжуй рассмеялся:

— Кажется, в Крепости семьи Фан мало кто младше тебя, с чего это ты вдруг заделался старшим?

— Наставник набирал учеников не по возрасту, а по таланту. — С этими словами он соскочил с кровати, шагнул к выходу и сладко потянулся.

Лань Чжуй зачарованно смотрел на его стройный силуэт, с силой сжав зубы, чтобы побороть импульс подбежать и заключить его в объятия. Мысль о том, что с этим проказником придется бок о бок провести целый месяц, заставила холодный пот выступить у него на лбу.

— Ого! — Фан Юньсюань вдруг издал изумленный возглас: — И как это я раньше не знал, что на задней горе есть такое красивое место!

Лань Чжуй вышел из дома и проследил за его взглядом.

Серебряное блюдо полной луны висело высоко в небе в окружении мириад звезд, отражаясь рябью на зеркальной глади озера, а усыпанные цветами берега создавали поистине сказочную атмосферу.

— Эх... Если бы можно было встретить старость в таком месте, это стало бы великим благом для человека, — вздохнул Лань Чжуй, подразумевая, разумеется, что рядом с ним непременно должен находиться Фан Юньсюань.

К сожалению, этот человек совершенно не понимал романтики: в эту секунду он уже подошел к самому берегу и начал сбрасывать одежду. Ничуть не смущаясь стоящего позади мужчины, который онемел от неожиданности, он в два счета скинул с себя всё до нитки и с громким всплеском бултыхнулся в воду.

— Ох, как прохладно! — Фан Юньсюань встал во весь рост, вода доходила ему аккурат до пояса, скрывая тайные места внизу. По его гладкой, словно слоновая кость, коже скатывались хрустальные капли, а мокрые черные пряди прилипли к лицу, небрежно прикрывая две розовые точки на груди и придавая ему невероятно соблазнительный вид.

Лань Чжуй судорожно сглотнул, и волна неконтролируемого жара стремительно хлынула вниз.

Юньсюань приплыл к берегу, слегка запрокинув голову и глядя на остолбеневшего мужчину:

— Спускайся, здесь очень приятно, совсем не холодно.

Лань Чжуй испуганно отшатнулся, будто перед ним выросла речная тварь, но от неожиданности запнулся о ветку под ногами и шлепнулся прямо на траву. Хуже всего было то, что его неловкая поза оказалась аккурат на уровне глаз стоявшего в воде Фан Юньсюаня.

Он, славный тринадцатый ван династии Янь, еще никогда в жизни не выглядел столь жалко и был готов провалиться сквозь землю от стыда.

Он думал, что Фан Юньсюань станет громко смеяться над ним, но вместо этого тот, грациозный словно пантера, медленно выбрался из воды и пополз к нему. Несколько влажных прядей прилипли к щекам, а черные, как звезды, глаза жадно впились в сидящего перед ним человека.

Лань Чжуй показалось, что в этот миг его сердце остановилось, а время замерло.

Фан Юньсюань так же неторопливо забрался на него сверху, плавно склонил голову и прижался к его манящим, влажным губам...

В этот момент Юньсюань походил на покорного котенка, послушно отвечая на его поцелуй.

— Юньсюань, Юньсюань... — прошептал Лань Чжуй. — Ты любишь Фан Мэн?

— Мы росли вместе с детства, какая-то привязанность, безусловно, есть. А любви... нет, тут не скажешь.

— А меня ты любишь? — в его глазах блестела робкая надежда.

Фан Юньсюань легко улыбнулся:

— Ты мне нравишься.

В глазах Лань Чжуя мелькнуло разочарование, но он все же счастливо улыбнулся и крепко прижал его к груди:

— Я люблю тебя...

— Дурачок... — по сердцу разлилось тепло, от которого защипало глаза.

Большой глупец, ты столько лет скитался по цзянху, но в конце концов все равно не смог перешагнуть через сердечные узы. Какой толк от любви? Когда ты узнаешь мое истинное лицо, то без колебаний сбежишь от меня.

Некоторые люди и вещи предначертаны небесами с самого начала, мы лишь пешки в руках судьбы, и нам не под силу изменить исход. Только судьба слишком любит шутить над людьми, и наша встреча изначально обречена на трагический финал.

Просто наши пути расходятся: либо ты умрешь, либо я.

Любовь — самое непостоянное слово на свете.

— Юньсюань, не женись... — продолжал он бормотать: — Давай уйдем скитаться по свету и проживем так всю жизнь.

Фан Юньсюань ничего не ответил, лишь подался вперед, запечатывая его губы долгим, пьянящим поцелуем.

Раз уж мы любим сейчас — значит, будем любить.

Знаешь ли ты, как долг век человеческий? Если ты поднимешь голову и взглянешь на этот серп луны, то поймешь мою боль. Для тех, кого обделили небесами, давать обещания — слишком призрачная вещь.

Глава 4

Освоить Руку, покоряющую драконов за месяц — чистой воды безумие, однако если кто-то передаст свою внутреннюю силу, можно постичь ее на восемь-девять десятых. Фан Юньсюань знал, что Лань Чжуй не откажет ему, поэтому и поднялся в горы.

Каждое утро, стоило первому лучу рассвета заглянуть в окно, Фан Юньсюань просыпался первым, лукаво зажимал нос спящему рядом мужчине и затыкал ему рот поцелуем.

К моменту окончания завтрака солнце обычно уже стояло в зените. Неподалеку от деревянного домика располагался небольшой каменистый холм — отличное местечко для тренировок в боевых искусствах.

<http://bllate.org/book/21134/2143994>